

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анатолий Жариков

С глазами цвета хаки

Стихи о войне

Анатолий Жариков
С глазами цвета хаки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жариков А.

С глазами цвета хаки / А. Жариков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Мои сёстры слышат меня в России и на Украине, мои дети и внуки ждут меня в Евпатории, Киеве и Донбассе, мои друзья пишут мне из Бельгии и Болгарии. Я живу в посёлке Высоком, в переулке Весёлом. Я люблю светлый день и ненавижу границы. Мои сёстры, дети и внуки, мои друзья живут во мне. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Перекаати-сон	5
Солдат и смерть	6
Зеркало Гефеста	8
ТрёхТишия	9
После обстрела	10
Разрыв снаряда	12
Солдат:	16
Сегодня и всегда	18
Гражданская	20
Под обстрелом	21
Снайпер	23
Пять лет	24
Радуга войны	28
Мёртвые	29
Разрыв-трава	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Перекаати-сон

Я не убивал.

Египетская Книга мёртвых

* * *

От дней Адама
и до наших смут
с войной по странам
всё идут, идут, идут.

* * *

Мой друг Анатолий Кравченко бывал в небе,
когда его освещали отнюдь не салюты,
и выли ветры смерти, а не ветры из лютни,
тот не слышит, кто там не был;
слова скупы, глаза не голубы у пилота,
слышу дрожь дюралья, где пропадала не наша,
и страшно, и пить охота.
Опускаемся во дворик, где две лавки и столик,
за которым играют в домино или,
сегодня или – вино и селёдка,
не пьёт тот, кому не налили.
Небо не видно зарытой в окопы пехоте,
стреляющему в утку охотнику
или из подводной лодки.
Время Бони эм на счётчике,
пьём вино со сбитым лётчиком.

Солдат и смерть

Последнему воину

В одних – томленья тяжесть, туга,
в других бессмертия печать.
Так близко видели друг друга,
что перестали – замечать.

* * *

Земляку

Он площадь через не могу
с "ура!" и "мамой" на бегу
берёт, как Курскую дугу.
В ушах минуты мерный гул.
И солнце чёрное в снегу.
И спирт из фляги:
"Всех сожгу..."

* * *

Себе, рождённому в 45-м

С войны вернулся командир,
посмертный орден у соседа.
Страна тиха, как монастырь.
Рожайте, женщины. Победа.

* * *

Я песню утра начинаю рано,
когда на юг лечу и плачу клином,
над белой хатой поднимаюсь дымом
и опускаюсь рыжим солнцем к травам.

И день хрипит уже во всю октаву,
ни журавлей, ни тающего дыма.
Душа звенит невозвращённым клином,
и пыль дороги валится на травы.

Сиянье севера, востока прана,
судьба текущих по ладоням линий
в песок сольётся дырочками синими,
живущими неверием и тайной.

И пишется тоска от Иоанна
до новых улиц Иерусалима.
Не знаю как: убьют ли под Берлином
или вернут медалью из Афгана.

* * *

Сон жизнью, жизнь была войной,
был сладок спирт перед атакой,
и мы блевали под стеной
расписанного в пыль рейхстага.

* * *

Труп Гитлера
это уже труп человека.
Наступаю на пепел.

* * *

Уже не стреляли.
Приходили в себя растения.
Оставшиеся после голода галки
возвращались в города на охоту.
Родился и я в сугробе 45-года
эпохи Вырождения.

Зеркало Гефеста

В зеркале не увидишь зеркала.

Там были сцены жизни. Виноград
хмелел от солнца, танцевали греки,
грудь Афродиты, её толстый зад
заценивал Парис, катили реки
память Стикса, ржал Троянский конь,
ржавели копья, в бога честь огонь
горел, светились будущего горизонты,
и Шлиман был ещё сперматозоидом.

Закончил щит Гефест.
Спит мирно Польша. Вечер
темнел над газовой печью,
и расплзался дым окрест.

* * *

Война кончится —
патроны останутся.

ТрёхТишия

Я не приказывал убивать.
Египетская Книга мёртвых

* * *

Новый год.
Майдан.
Сопли на морозе.

* * *

О чём шумим, лихие братцы?
Бабло с баблом договорятся.
Сушите вёсла.

* * *

Не свет солнца порождает тени,
а мы,
стоящие на пути света.

* * *

Остановись, артиллерист,
вытри кровь на глазах, посмотри:
бабочка на моём окне.

* * *

Закройте глаза убитым,
в них пустое небо и наши глаза.
Не закрывайте глаза живым.

После обстрела

Утром обязательно появятся
люди на улице:
убрать убитых.

* * *

На открытой планете И.Х.Ц.И.
не стреляют.
Потому что там не умеют умирать.

* * *

В эти дни вибрирует и
вся пуповина, обрезанная
в день творения.

* * *

Делят неделимое – власть.
Потому и размазаны
дом, сознание, жизнь...

* * *

Успел выпрыгнуть из-под воя снаряда
сохранив жену и
русскую мову.

* * *

Медсестра, которая вчера мне сделала укол,
сидит на неразорвавшемся снаряде
и поёт песенку о царе Ироде.

* * *

И дома наши без кровли.
И сердца наши без радости.
И земля наша – плоть без кожи.

* * *

Минное поле – как дерьмо, разлившееся повсюду.
Не пройти, не запачкавшись.

Разве только по воздуху, оторвавшись душой от тела.

* * *

Первый призыв.
Второй, третий...
Где вы, пацаны?

* * *

В этом году
птицы улетели
на месяц раньше.

* * *

А кто остался,
копает окопы для тех,
кто не остался.

Разрыв снаряда

Ты слышишь, как
не хватает пространства материи
и она раздирает сознание.

* * *

Мёртвые присваивают тишину.
Песни поют живые.
Когда уходит война.

* * *

Хожу между
светлыми могилами.
Осенние дожди.

* * *

Солнце выжигает глаза,
ветер подрезает горло.
Ужас когда-то уходит.

* * *

Сижу в окопе
под вишней у хаты.
Гудеть баллистические шмели.

* * *

Президент олигарх и нищий пенсионер
имеют общее богатство
и не имеют общего языка.

* * *

Ваши банальные послы с неба
«бах! бах!» буквально разбивают
элементарное представление об органе. —

Себастьян Бах.

* * *

Кресты на погосте,
как опущенные тени
высоких истребителей.

* * *

Он убил человека
и теперь живёт, мёртвый,
среди мертвецов.

* * *

Неужели мы последние
со сладкой плотью,
разделённые на «я» и «ты»?

* * *

Кто не выдюжил, уехал,
оставив надежду
и мёртвых.

* * *

Я не бежал из Марьинки,
меня выбросили
взрывной волной.

* * *

Наш чиновник
сдаёт страну ежедневно
за тридцать деревянных.

* * *

В моём Донецке война и холод.
В твоём Донецке тебе всё едино.
А для вас такого города нет.

* * *

Эхо от взрыва катится по улице,
пока не находит

тонкие стёкла домов.

* * *

Осень в солдатской шинели.
Костры во дворах зданий.
Возня собак на мусоре.

* * *

Чернила высохли.
Есть иная печаль,
время мудрости и скорби.

* * *

День поднимается на востоке,
падает на западе
и 12 часов ходит по нашим головам.

* * *

Здрав голову,
смотрю на дождь, а он
лупит в меня трассирующими.

* * *

Не расстрелянными остались
четыре полки книг,
выпавших из четвёртого этажа.

* * *

Никому не сказали,
что будут стрелять, а крысы
уже грызли хвосты в другом городе.

* * *

Подвал. Свеча.
Раскладушка. И вой
снаряда, как пьяной женщины.

* * *

Ночь навалилась на землю.

Только звёзды отделяют
безумие от рассудка.

Солдат:

Война ходит за мной
от селения к селению,
от пепелища к пепелищу.

* * *

Государство насилует —
и граждане
рожают солдат.

* * *

Наказ по цепи:
«На майдане
не ссать!».

* * *

Страна дала мне
Героя, славу, памятник.
Верни мне память.

* * *

Смотрю из окна.
Дорога подняла пыль.
Данайцы? Скифы? Татары?

* * *

Косой взгляд
и осколок снаряда —
равно опасны.

* * *

Иду по струне.
Шаг в сторону и —
взлетишь на «растяжке».

* * *

В одной жизни — я.
В другой жизни — родные.

В третьей – стреляют.

Сегодня и всегда

Металл рушит дома.
Сапоги топчут землю.
Слова губят души.

* * *

Первая мать проклинает солдат.
Вторая мать прощает солдат.
Третья мать рождает солдат.

* * *

Война. Стреляют.
Прилетают в комнату
птицы. Мурлыкать.

* * *

Сгорает небо.
После ничего
снова будет всё.

* * *

Последний дымок
уходит в небо
от чёрной хаты.

* * *

В раде, во владѣ:
пилят бабло —
зубы летят.

* * *

В сентябре призывают.
У вокзала кормят.
За околицей расстреливают.

* * *

Земля не принимает
снаряд, отбрасывает

щепки его все.

Гражданская

Её называют
гибридной, гробовидной, блядской.
Чтоб не называть братской.

* * *

Жду мира, чтобы
снова назвать площадь Войны
площадью Мира.

* * *

Создали террор.
А потом войска —
для борьбы с ним.

* * *

Ему хватало
власти, крови, сапог и
военного френча.

Под обстрелом

Я не храбрец.
Я не успел убежать
из-за больных ног.

* * *

После взрыва земли
взрываются
взрывы взрывов?

* * *

Каждый день
стреляют, подрывают.
Подорванное поколение.

* * *

Самолёт пролетел.
Высморкался огнём
на крестьянском поле.

* * *

Чёрный ветер
шевелит мёртвые листья.
Конец войны.

* * *

А что воровал
кандидат в президенты,
когда воровал президент?

* * *

И нас выстраивали в ряд,
и каждый третий был стреляйт,
второй и первый живы.

Тогда выстраивали в строй,
и каждый третий был герой,
и каждым первым был второй.

И я смотрел в пустое небо.
Стояло солнце.
Бога не было.

* * *

В моих стихах
война заканчивается,
не начинаясь.

* * *

Горит Марьинка.
Гремят
колокола Казанской.

Снайпер

8 Марта
она отстреляла
восьмерых мужчин.

* * *

Я не переселенец.
Я бежал
от взрывов и смрада.

* * *

У революций
менструации
хронические.

* * *

Дом приподнялся,
чтобы взглянуть, какая
сука стреляет.

Пять лет

Донецку больно.
И с «Москва»
рифмуется тоска.

* * *

После взрыва
ослепло поле ромашек.
Жаркое лето 2017-го.

* * *

По-русски
моя старая теперь
только

* * *

Пришёл к реке
испить из каски.
Ревёт и стонет.

* * *

Платон желал обучать
воинов музыке.
Воют мины.

* * *

Пока
будет быть государство,
будет класть на него поэт.

* * *

Пока Москаль говорит
Хохол мовить,
олигарх бабло вяжет.

* * *

Война,
выигранная армией,

проиграна солдатом.

* * *

Стреляют.
Пять лет не восходит
солнце Марьинки.

* * *

Толпою площадной несом,
вола зрак, лошади лицо,
кентавр с картины Пикассо.

* * *

– Ты за кого, папаня,
за синих или оранжевых?
– За здоровые почки, сынок.

* * *

Боже, сократи
новый семнадцатый
до года.

* * *

– Но в этом году
тарифы остаются прежними.
С новым годом, страна!

* * *

Без денег
нет революции.
Одно мордоплюйство.

* * *

В речах революций
нет
страдательных падежей.

* * *

Разваленная Украина,

как недостроенное
государство Платона.

Убогая,
как страна
без поэта.

* * *

Растущие стебли гороха
обезвреживают
минное поле.

* * *

Ио-Бах!
Четыре года по городу,
по моей голове.

Закипела вода,
очнулся чайник,
оставленный на бегу.

Дождь, ветер, град.
На пепел крыши
не садятся голуби.

* * *

Слава героям!
Хай, хай —
откликается время.

* * *

В подвалах парализованные старики.
За партами седые дети.
Деревья цветут без листьев.

* * *

Ещё не украинцы,
уже не русские.
Убогая родина.

* * *

Свечку, спичку, кружку,
убегая от снаряда,
забрать успели.

* * *

Пока есть зло,
есть бог,
оправдывающий зло.

* * *

В нашей стране
имеем государство,
которое имеет нас.

* * *

Каждый второй
на земле —
солдат.

* * *

Обстрел Марьинки.
Горят деревья,
и падают звёзды, гремя.

* * *

Был бы майдан,
ловкие слова,
а люди найдутся.

* * *

Затыкаю уши
и огонь
слушаю.

Радуга войны

Скользнув по кругу света,
возвращается
кругом смерти.

* * *

С глазами цвета хаки
пришли,
спалили хату.

* * *

Между городом, где нас уже нет
и городом, где нас ещё нет,
заминирована дорога.

Относительно смерти мы ещё свет,
относительно жизни нас уже нет.
Где мы относительно бога?

* * *

По ночам он
приходит ко мне и говорит:
– Ты убил себя.

* * *

Если задумаешься,
никогда не попадёшь в сердце,
снайпер.

* * *

Сугробы на ресницах
и отморозенный стручок фасоли
на курке.

Мёртвые

Мёртвые понимают
не возражая.
Уважаем мёртвых.

Мёртвые присутствуют
отсутствуя.
Терпим мёртвых.

Мёртвые любят
не насилая.
Любим мёртвых

Разрыв-трава

Я не творил дурного.
Египетская Книга мёртвых

* * *

Путь проклят, истины щербаты,
кровь на глазах и на руках.
И поводырь – то дым, то прах,
то грязь в ногах, то дух крылатый.

Двенадцать с ружьями бредут,
за ними пыль и дым столбами.
И дети с выпуклыми лбами.
И с рифмой рыночною шут.

И пёс. И золотая цепь.
И свет горбат. И жребий слеп.
Венец опал, и розы смяты.
Устал, плешивый и брюхатый.

* * *

Что человек? Живуч веками,
тысячелетья за спиной;
когда должно быть с головой,
есть, как и прежде, с кулаками.
Есть страсть делить вино и хлебы,
и грязь, и голубое небо.
Но тень по-прежнему чиста
того проклятого креста.
И выше той горы святой
ни в сердце места,
ни в искусстве.
Невыносимо. Больно. Грустно.
Но путь один. И место пусто.

* * *

Хозяин из меня совсем никудышный,
ни молотка, ни гвоздя, ни отвёртки в доме,
одни мыши
и ветер гоняют куски соломы.

Город, в котором живу я, вымер,
дома и улицы разбрелись по свету,

и никто не помнит даже имени
страны, которой у меня нету.

* * *

Весна. Полдня предложению суставы ломаю,
правила синтаксиса вспоминая.
Земное по дождю соскучилось наверняка,
как по слезе щека.
Молодые деревья не краше старых,
тощи, как первые овощи на базарах.
И как акварелью апрель ни прикрась,
на большаке после дождя грязь.
Так и при каждой новой власти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.